

ГЛАВА X. Утрата ЛЕГИТИМНОСТИ

В современном обществе и культуре — постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре[121] — вопрос о легитимации знания ставится в иных выражениях. Великий рассказ утратил свое правдоподобие, вне зависимости от способа унификации, который ему предназначался: спекулятивный рассказ или рассказ об освобождении.

В упадке рассказов можно видеть результат быстрого технического и технологического подъема после Второй мировой войны, перенесшего акцент с цели действия на средства ее достижения, а может быть — результат активизации внешнеэкономических связей либерального капитализма, развившегося после периода его отступления перед моделью Кейнса в 30-ые — 60-ые годы, обновления, устранившего коммунистическую альтернативу и придавшего ценность индивидуальному обладанию благами и услугами.

Подобные поиски причинности всегда разочаровывают. Даже если мы примем ту или иную из выдвинутых гипотез, нужно будет все же объяснить связь рассматриваемых тенденций с упадком объединяющей и легитимирующей силы великих рассказов о спекуляции или об освобождении.

Воздействие, которое могут оказать на статус знания подъем и расцвет капитализма, с одной стороны, и приводящий в замешательство скачок в развитии техники — с другой стороны, конечно, объяснимо. Но прежде всего необходимо обнаружить ростки утраты легитимности — «делегитимации»[122] — и нигилизма, которые были присущи уже великим рассказам XIX века, чтобы понять каким образом современная наука оказалась восприимчивой к указанным воздействиям еще до того, как они проявились в действительности.

Спекулятивное изложение, прежде всего, скрывает своего рода двусмысленность в отношении к знанию. Оно показывает, что знание заслуживает своего имени, только если оно удваивается («снимается», *hebt sich auf*) цитированием из его же собственных высказываний в границах дискурса второго порядка (автонимия), который их легитимирует. Иными словами, в своей непосредственности, денотативный дискурс, направленный на некий референт (живой организм, химическое свойство, физическое явление и т. п.), сам по-настоящему не знает того, что считает известным для себя. Позитивная наука — это не знание. А спекуляция питается его устранением. Так и гегелевский спекулятивный рассказ, по признанию самого Гегеля,[123] содержит в себе скептицизм в отношении позитивного познания.

Не обретшая своей легитимности наука — не настоящая наука, она опускается в более низкий разряд, т. е. идеологию или средство власти, если дискурс, который должен был ее легитимировать, сам оказывается скрывающим донаучное знание (точно также, как в «вульгарном» рассказе). Что и случается, когда правила игры науки, которую он объявляет эмпирической, оборачиваются против нее самой.

Предположим, дано спекулятивное высказывание: «научное высказывание является знанием, если и только если оно само находится во всеобщем процессе порождения». Вопрос, который ставится в отношении его сюжета, следующий: является ли это высказывание знанием в смысле определяемым им самим? Оно является им, только если может относиться ко всеобщему процессу порождения. Допустим, может. Для этого ему достаточно предположить, что такой процесс существует (Жизнь духа) и что оно само есть его выражение. Такое предположение даже необходимо в спекулятивной языковой игре. Если его не сделать, то язык легитимации сам не будет легитимным, а будет вместе с наукой повержен в нонсенс, по крайней мере, если верить в этом идеализму.

Однако это допущение можно понять совершенно в другом смысле, который мы приписываем культуре постмодерна: говорят, она определяет — в том смысле, какой мы приняли ранее — группу правил, которые нужно принять, чтобы играть в спекулятивную игру.[124] Такая оценка предполагает, во-первых, что мы принимаем как общий вид языка знания язык «позитивных» наук, а во-вторых, что мы рассматриваем этот язык как содержащий в себе предположения (формальные и аксиоматические), которые он должен объяснять. Ницше, хотя и другими словами, делает то же самое, когда показывает, что «европейский нигилизм» вытекает из самоприложения научного требования истинности к самому этому требованию.[125]

Таким образом появляется перспектива не столь уж отдаленная — по крайней мере, с этой точки зрения — от перспективы языковых игр. Здесь мы имеем дело с процессом делегитимации, движущей силой которого выступает требование легитимации. «Кризис» научного знания, признаки которого множатся с конца XIX века, не является следствием случайного распространения наук, поскольку само их распространение есть плод технического прогресса и экспансии капитализма. Он [кризис] происходит от внутренней эрозии основы легитимности знания. Такая эрозия применяется в спекулятивной игре, и именно она, расслабляя плетение энциклопедической ткани, где каждая наука находит свое место, позволяет им освободиться.

Классическое определение границ различных научных полей подвергается тем самым новому пересмотру: дисциплины исчезают, на границах наук происходят незаконные захваты и таким образом на свет появляются новые территории. Спекулятивная иерархия познаний дает место имманентной и, если можно так выразиться, «плоской» сети исследований, границы которых постоянно перемещаются. Старые «факультеты» распадаются на институты и фонды всякого сорта, университеты теряют свою функцию спекулятивной легитимации. Освобожденные от ответственности за исследования, которые вытеснил спекулятивный рассказ, факультеты ограничиваются передачей знаний, считающихся установленными, и с помощью дидактики обеспечивают воспроизводство скорее преподавателей, нежели ученых. Как раз в этом состоянии их застают и

приговаривает Ницше.[126]

Что же касается другой процедуры легитимации, идущей от *Aufklärung*, рассказа об эмансипации, его вездесущая сила эрозии не меньше, чем та, что действует в спекулятивном дискурсе. Но направлена она на другой аспект. Характерная его черта — обоснование легитимности науки, истины, опирающееся на автономию собеседников, включенных в этическую, социальную и политическую практику. Однако, как мы уже видели, эта легитимация сразу становится проблематичной: различие между денотативным высказыванием, имеющим когнитивное значение, и прескриптивным высказыванием, имеющим практическое значение, состоит в релевантности, а следовательно, — в компетенции. Ничто не доказывает того, что, если высказывание, описывающее действительность, верно, то прескриптивное высказывание, имеющее неизбежным следствием изменение этой действительности, будет также справедливо.

Предположим, дана закрытая дверь. Между «Дверь закрыта» и «Откройте дверь» нет следствия в смысле пропозициональной логики. Эти два высказывания относятся к двум совокупностям автономных правил, определяющим различную релевантность, а следовательно, и различную компетенцию. Результат этого деления разума на когнитивный или теоретический, с одной стороны, и практический — с другой, имеет здесь следствием атаку на легитимность научного дискурса, не прямо, а косвенно раскрывая нам, что он является языковой игрой, имеющей собственные правила (априорные условия познания которых являются у Канта первым суждением), но без всякого предназначения регламентировать практическую игру (как, впрочем, и эстетическую). Она оказывается, таким образом, на равных с другими.

«Делегитимация» — если к ней хотя бы немного стремятся и придают ей определенную важность, что на свой манер делает Витгенштейн и что, так же по-своему, делают Мартин Бубер и Эмманюэль Левинас[127] — открывает дорогу набирающему силу течению постмодернизма: наука играет собственную игру она не может легитимировать другие языковые игры. Например, прескриптивная игра ускользает от нее. Но, прежде всего, она не может больше сама себя легитимировать, как то предполагает спекуляция.

При таком рассеянии языковых игр социальный субъект тоже кажется растворенным. Социальная связь — связь языковая, но она состоит не из одной нити. В этой ткани пересекаются по меньшей мере две, а в действительности неопределенное количество языковых игр, подчиняющихся различным правилам. Витгенштейн пишет: «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами».[128] А чтобы лучше показать, что принцип единства или синтез под началом научного метадискурса неприменим, нужно подвергнуть «город» языка старинному парадоксу о транзитивности равенства (*sorite*), спросив: «А с какого числа домов или улиц город начинает быть городом?».[129]

Новые языки присоединяются к старым, образуя пригороды старинного города: «химическая символика», «обозначения для исчисления бесконечно малых».[130] Спустя тридцать пять

лет, к ним можно еще добавить машинные языки, матрицы теории игр, новые музыкальные нотные обозначения, логические неденотативные обозначения (логики времени, деонтические логики, модальные логики), язык генетического кода, графы фонологических структур и т. д.

Этот раскол может повлечь пессимистическое впечатление: никто не говорит на всех этих языках, нет универсального метаязыка, проект «система-субъект» провалился, а проект освобождения ничего не может поделаться с наукой; мы погрузились в позитивизм той или иной частной области познания, ученые стали научными сотрудниками, размножившиеся задачи исследования стали задачами, решаемыми по частям, и никто не владеет целым,[131] а спекулятивная или гуманистическая философия, со своей стороны, вынуждена аннулировать свои функции по легитимации,[132] чем, собственно, и объясняется кризис, испытываемый ею там, где она все еще стремится их исполнить, или ее редукция к исследованию логик или истории идей, там, где из реализма от нее отказались.[133]

Этот пессимизм питал поколение начала века в Вене: художники, Музиль, Краус, Гофмансталь, Шенберг, Брех, но также и философы Мах и Витгенштейн.[134] Несомненно, они передвинули так далеко, насколько это было возможно, осознание и теоретическую и художественную ответственность за делегитимацию. Сегодня можно сказать, что этот похоронный труд выполнен. Не стоит его начинать заново. Сильной стороной Витгенштейна было то, что он не стал искать выхода в позитивизме, развиваемом Венским кружком,[135] а прокладывал в своем исследовании языковых игр перспективу другого рода легитимации перформативность. Именно с перформативностью и имеет дело постмодернистский мир. Ностальгия по утраченному рассказу и та была утрачена большинством людей. Отсюда ни в коей мере не вытекает, что они были обречены на варварство. Препятствует им в этом то, что они знают: легитимация не может прийти ни откуда, кроме их языковой практики и их коммуникационного взаимодействия. Прежде всякой другой веры, наука, которая «улыбается в бороду», научила их суровой воздержанности реализма.[136]

Версия #1

Зверобой создал 1 января 2026 19:48:41

Зверобой обновил 1 января 2026 19:49:52